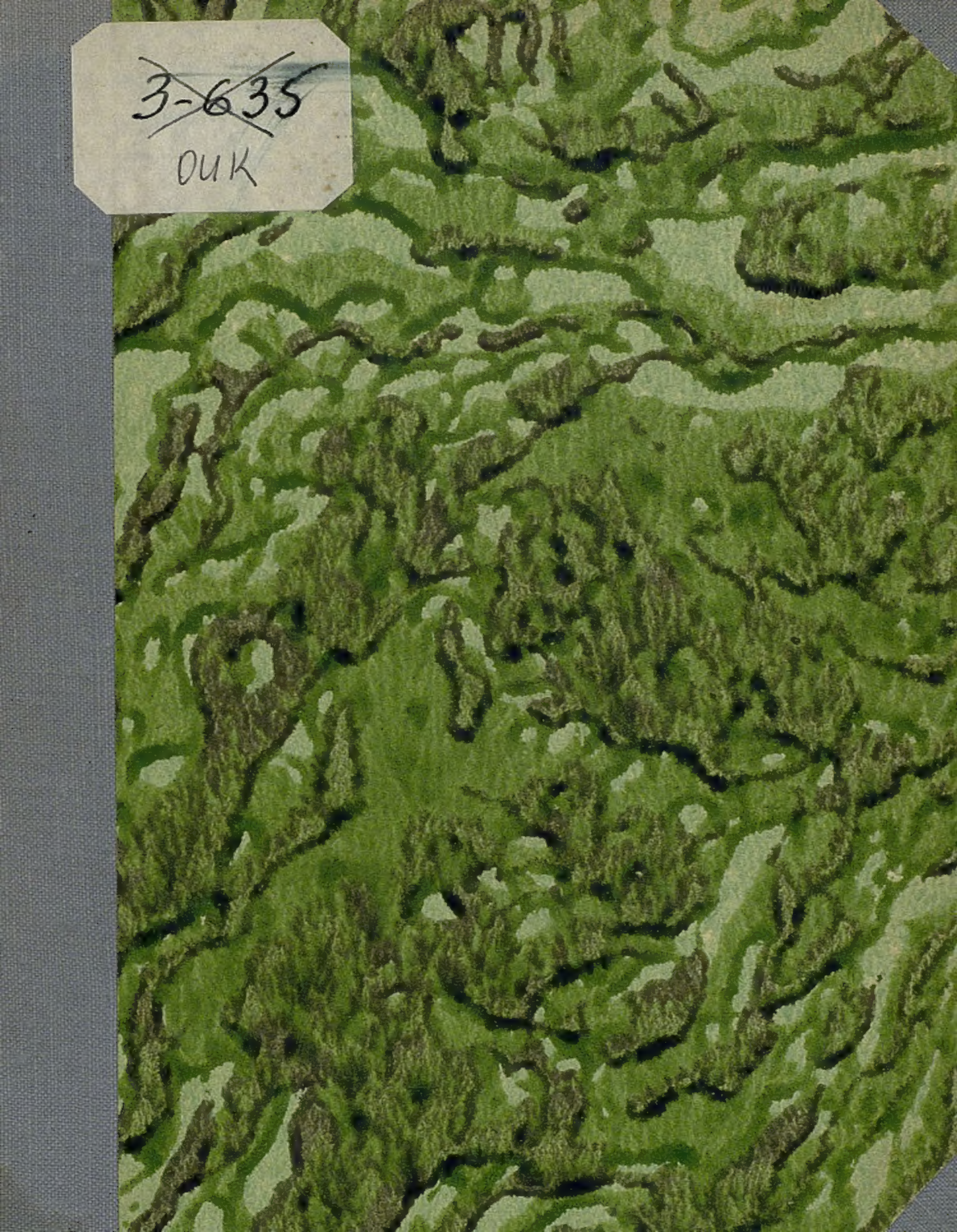
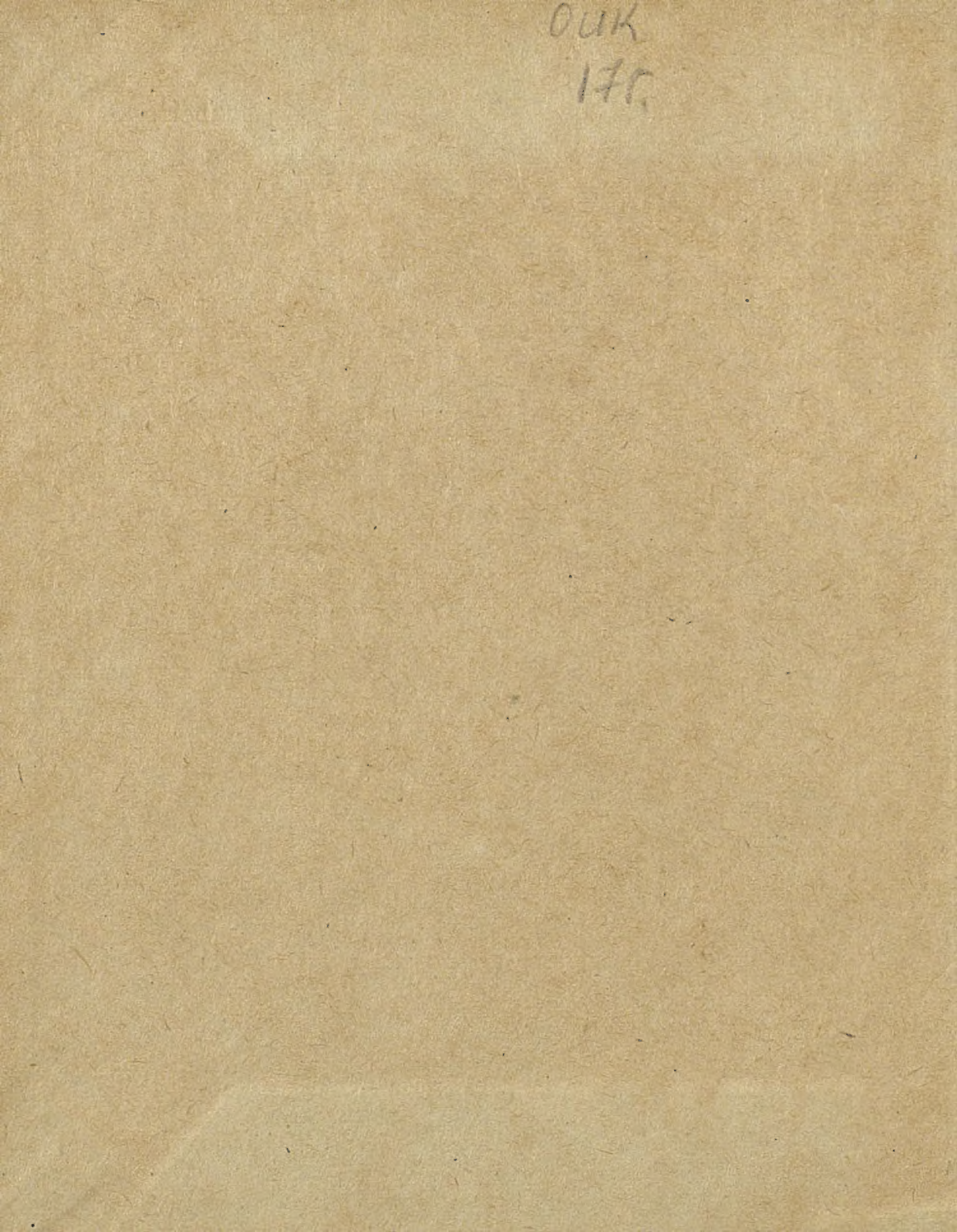

3-635
ОИК

Украинская Социалистическая Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 88.

ЗАДАЧИ

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Доклад тов. Г. ЗИНОВЬЕВА на общем собрании членов и кандидатов Петинского района К. П. У. 20 мая 1920 года.

Цена 3 руб.

ВСЕУКРАИНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

ХАРЬКОВ, 1920 год.

Издано в количестве
30,000 экземпляров.

Типография ПОЮР, Харьков.

ЗАДАЧИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Доклад тов. Г. Зиновьева на общем собрании членов и кандидатов Петинского района К. П. У. 20 мая 1920 г.

Товарищи, задачи коммунистической партии в широком смысле слова совпадают с программой коммунистической партии, которая, конечно, громадному большинству из вас известна, и я не стану ее излагать.

Программа коммунистической партии заключается в том, чтобы уничтожить частную собственность на предметы производства, на орудия производства и передать все это в собственность народу. Программа партии, хотя и нечитанная многими из рабочих и работниц, великолепно ими понимается, потому что она сводится к тому, что бы уничтожить на земле бедность, неравенство, нищету и гнет. Но, осуществляя эти наши задачи, партия наша не раз стояла перед совершенно особыми положениями. И вот, как раз в момент, который мы теперь переживаем, мы делаем новый поворот, и нам приходится отдать себе отчет в том, *каковы задачи нашей партии в даннов время.*

Когда происходил великий переворот 25 октября 1917 г. и впервые власть переходила к Советам Рабочих и Крестьянских Депутатов, то почти никто из нас не думал, что после этого последует еще большая, про-

должительная, кровавая война. И большинство было уверено, что так как громадное большинство народа стоит за советскую власть, так как буржуазия представляет собою только меньшинство, то мы прогоним буржуазию и возьмемся за проведение общих задач нашей партии—тех, о которых я только что говорил.

Уже и тогда Россия была достаточно разорена, голодна, после трех с половиною лет империалистической войны. Но мы все надеялись, что, как только буржуазия будет изгнана, рабочий класс во главе с нашей партией возьмется за налаживание хозяйства. Главный побудительный мотив, который толкал в наши ряды сотни тысяч рабочих, крестьян и красноармейцев поддерживать нашу революцию и партию в октябре 1917 г., был тот,—что войну мы кончим, буржуазию прогоним и начнем налаживать хозяйство по новому, начнем поправлять дело в деревне и в городе. Тайная надежда всех тех, кто шел за нашей партией, в этом заключалась. Весь народ поддерживал нас тогда не потому, что пришлось три года воевать, а, главным образом, потому, что думали: прогнали буржуазию, трудности все позади, мы принимаемся во все лопатки строить новое хозяйство, начнем налаживать хозяйство в деревнях, начнем пускать свои фабрики и заводы в городах. Вот главная надежда, которая бродила в головах сотен тысяч рабочих и крестьян в эти памятные дни.

И не только беспартийные рабочие и крестьяне так полагали, но и передовики-рабочие, члены нашей партии, в то время также надеялись на такой ход вещей. Все считали: вот в октябре 1917 г. наступает перелом, самое трудное будет позади, война отойдет в далекое прошлое, и мы все силы отдадим на строительство новой жизни.

Вы все знаете, товарищи, что сучилось не так.

Дело пошло совсем по иному. Оказалось, когда мы свалили свою собственную буржуазию, своих богачей и помещиков, мы натолкнулись на вторую цепь—на буржуазию международную,—на вторую цепь, которая была гораздо более свежей и сильной; чем первая.

Наши русские капиталисты, можво сказать, отцвели, не успевши расцвесть. Они еще не успели как следует окрепнуть и сесть на шею основательно, как сели в Германии, Франции и Америке, и в других странах; мы с ними поэтому расправились. Но через некоторое время мы почувствовали, что борьба не кончена. И началась новая страница в истории нашей страны—гражданская война.

На помощь русским капиталистам и помещикам поспешили французские, английские, немецкие капипиталисты, помогали японские капиталисты, помогала турецкая и болгарская буржуазия, почти буржуазия всего мира. Помогали деньгами, солдатами, продовольствием, снаряжением. И именно поэтому ничтожное меньшинство нашей страны, офицерство и барские сынки, смогли организовать довольно большую армию. Война, как вы знаете, мобилизовала под ружье больше 10 миллионов солдат и она же мобилизовала под ружье около полумиллиона офицеров, если не больше. А офицерство старое почти сплошь было из рядов дворянства. И 500.000 человек, собранных буржуазией, подкупленных ею, обласканных, накормленных, одетых, обутых, выхоленных, составили ядро тех армий, которые на нескольких фронтах были брошены против нас. И мы два с половиною года были заняты тем, что тушили этот пожар белых восстаний то на одном, то на другом фронте. Не успеешь укрепить Урал, как

вспыхивает восстание в Сибири, на севере, под Питером и т. д.

Этим занята была наша партия. Наша партия организовала эту борьбу. На первых порах это вызвало известное разочарование у недостаточно зрелых слоев рабочих и крестьян, охлаждение к нашей партии.

— „Как,—говорили они,—мы прогнали буржуазию в октябре, мы думали, что войны больше не будет, и мы примемся за налаживание хозяйства, а тут, извольте—начинать новую, тяжелую, кровопролитную войну. Мы не этого ждали от революции“.

К тому же прибавился голод. И вызвалось известное охлаждение к нам в начале. В Москве, в Питере и во всей России часть рабочих заколебалась.

Но по мере того, как развивалась война, становилось ясно рабочему классу и крестьянству, что эта война справедливая и неизбежная. Смешно было бы думать, что международная буржуазия уступит нам без боя, на блюдечке поднесет коммунизм, что нам отдадут сотни миллионов десятин даром; смешно было бы думать, что помещик примирится легко с тем, что у него отняли его поместья, конные заводы, „дворянские гнезда“, вишневые сады, сахарные заводы—все, к чему он привык, и что привык считать от бога ему данным. Было ясно, что вокруг этого разгорится тяжелая борьба. И было ясно, что в этой борьбе надо выиграть, иначе—потеряешь все.

Война все больше закаляла ряды партии и ряды рабочего класса. Два с половиною года было истрачено на эту работу, не только тяжелую, но и довольно непроизводительную.

К чему сводилось дело?

Когда мы 25 октября 1917 г. брали власть, Россия была достаточно разорена. Рабочие и крестьяне-передовики надеялись: хорошо, пусть Россия разорена, но мы выгоним буржуазию, — и Россия станет родным домом, она станет не мачехой, а родной матерью. Мы войдем в этот свой дом—в дом, где будет пусто, холодно, голодно, но во всяком случае, мы разберемся, что нам осталось и приступим к тому, чтобы поправлять дело, налаживать хозяйство.

Когда после 25 октября мы в свой дом вошли, мы увидели, что не доведется сразу начать ремонтировать свой дом. Мы увидели, что из разных углов стали появляться стаи бешеных собак, бешеных волков в образе царских генералов, которые окружили наш дом для того, чтобы ворваться туда и растерзать на части рабочих и крестьян. В течение двух лет мы заняты были только тем, что разгоняли эти стаи бешеных волков. Работа скучная и во всяком случае непроизводительная. От этого не прибавляется ни одного куска хлеба и ни одного полена дров. Но тем, не менее, у нас не было другого выбора. Если бы мы не распугали эту стаю, она ворвалась бы к нам, она растерзала бы рабочий класс и даже младшее поколение, она оставила бы окровавленную Россию, она оставила бы груду окровавленных человеческих масс и отбросила бы нас назад на 200 лет. И партия должна была стать во главе народа и начать новую войну для того, чтобы охранить дом от стаи бешеных волков.

И вот, товарищи, месяца три тому назад казалось, что дело кончено, казалось, что мы с этой работой, по крайней мере, на девять десятых прикончили, казалось, что наша красная армия бросает последнюю горящую головню в последнего убегающего волка. И нам все чу-

дился тот момент, когда мы сможем сказать: „ныне отпущаеши“. Мы разогнали волков, часть из них тут же убили, теперь мы сдерем шкуру, и нам, может быть, удастся сшить шубу для рабочих и крестьян; теперь мы возвратимся в свой дом, и на этот раз нам никто не помешает взяться за налаживание своего хозяйства.

И мы стали переводить пашу армию на трудовое положение, стали подготовляться к роспуску армии, поставили во главу угла вопрос о налаживании хозяйства. Вернувшись после войны в свой дом, мы находили его еще более обнищавшим, разоренным, голодным, но зато была надежда, что теперь мы сможем целый ряд армий перевести на трудовое положение, примемся поправлять наше хозяйство в миллион рук, дело пойдет, и мы увидим результаты своих трудов.

И мы возвращались к кануну 25 октября, к той минуте, которую переживали накануне взятия власти нашей партией, когда весь народ был в надежде прогнать буржуазию и взяться за поправление народного хозяйства. Теперь казалось, что эта надежда начинает осуществляться, что мы к этому подходим.

В это время опять грянул гром и мы стоим перед новым положением.

Правда, зная силы польских панов, зная, что это хвастунишки, что они всегда пересаливают, когда хвастают, всегда преувеличивают свои силы, и, зная силы нашей красной армии, мы можем не очень бояться этой тучи. И можно сказать, что гром не из тучи, а из навозной кучи, извините за выражение. Но, во всяком случае, то, что происходит сейчас, особенно больно ударило по Украине и заставило нас прибегнуть к целому ряду мер, выбивших нас из того положения, из того плана, который у нас намечался. Мы не можем

сказать спокойно: мы все-таки будем переводить армию на трудовое положение и работников из армии переводить в совет народного хозяйства. Во всякой войне требуется напряжение последнего мускула, всей энергии. Ибо, если мы будем вести войну через „пень-колоду“, спустя рукава, то даже польские паны могут причинить очень большой вред.

И партия наша теперь начинает быстро перестраивать ряды. В этом была сила нашей партии в дореволюционные годы и в течение двух с половиною лет революции. Сила нашей партии заключалась в том, что она была лучше всех организована, имела настоящую железную централизованную организацию, была построена по типу армии в лучшем смысле этого слова. Каждый член партии чувствовал себя дисциплинированным солдатом. Благодаря этому, мы имели возможность перебрасывать множество членов партии с одного фронта на другой, перестраивать ряды на новый лад.

И вот, товарищи, как мы в течение двух лет усиленно нажимали на военную педаль, все отдавали войне для того, чтобы войну выиграть, а потом приходилось нажимать на хозяйственную педаль, думали отдать туда лучшие силы, чтобы пустить железные дороги, шахты, фабрики, заводы, поднять транспорт, улучшить земледелие и т. д.,—так на Украине приходится быстро перестраивать ряды в том смысле, чтобы опять изо всех сил нажать на педаль военную.

Вы знаете, товарищи, что хотя Польша формально ведет войну и против России, и против Украины, но более всего дело идет об Украине. Это *ваши* рясы хотят делить польские паны с паном Петлюрой. Они уже теперь говорят, как они разрежут, кому какой кусок достанется.

Вот почему, в первую очередь, конечно, *наша украинская организация вынуждена теперь опять изменить свои задачи, вынуждена опять лучшие силы партии отдать на военное дело.* И именно в связи с этим здесь приходится быстро перестраивать ряды, как делали мы не раз в Питере и в Москве, когда к этому подходило.

Не раз мы думали, что займемся тем, что пустим наши заводы, и ждали, что услышим гудок вновь пущенной фабрики и увидим, как из трубы пойдет дым,—а вдруг появляется новый генерал Юденич или новая попытка со стороны финской, эстонской буржуазии, и приходится опять откладывать надежды, что мы пустим новые заводы, и приходится опять все отдавать войне.

Эту задачу надо усвоить. *Передовые члены нашей партии в первую очередь должны организовать эту войну*, и на передовиков рабочего класса, конечно, по прежнему падает в этом отношении главная тяжесть.

Украина—страна крестьянская. И на Украине крестьянство играет еще большую роль, чем в центральной России. Оно богаче, многочисленнее, от него больше зависит. *Теперь дело идет о том, чтобы этого крестьянина поднять против польского пана.*

Кто может поднять? Только вы, городские передовые рабочие, прежде всего члены нашей партии. Когда на 4-м С'езде Советов Украины приходится слышать речи интеллигентов украинских, этих „незалежников", то ясно, что эти люди крестьянина видали во сне, они не имеют о нем представления; они думают, что знают душу деревни, что у них есть связь с деревней, а на самом деле они ни черта не знают, они выучили наизусть только некоторые великолепные стихотворения Шевченко. Это люди, оторванные от масс совершенно.

Мы сами должны найти путь к этим крестьянским массам и никто, кроме рабочих, не может его найти. Рабочий ближе всех к крестьянину по своему жизненному укладу. Многие из вас имеют массу связей с деревней. Рабочие единственные люди, которые способны разговаривать с крестьянами. Наша партия была преимущественно партией городов, наша партия родилась в городах, в рабочих кварталах, но она, во что бы то ни стало, должна стать также и партией деревни, так как без этого мы не можем победить. На Украине рабочих горсточка, тонкий слой. Этот тонкий слой не может победить польских панов, которые ведут за собою часть темного крестьянства. *Необходимо во что бы то ни стало стать деревенской коммунистической партией, необходимо найти доступ в деревню, необходимо организовать массовый поход в деревню для агитации, пропаганды, для того, чтобы поднять крестьянство. Это первая задача нашей партии на Украине.*

Сейчас другого средства поднять крестьянство нет, как только рабочих коммунистов отправить в деревню. Так делали московские и питерские рабочие. Они сначала шли на воскресенье в ближние деревни, потом шли на неделю, на месяц и затем пошли сотнями, тысячами и десятками тысяч в продовольственные отряды с оружием в руках и без всякого оружия, для того, чтобы об'яснять продовольственное положение; они шли часто прямо в огонь, где были восстания, где кулаки поднимали голову, и они умирали. Недавно колпинские рабочие под Питером послали 22 человека в Башкирию за хлебом, они попали в кулацкий уезд, и из 22 только два вернулись назад, а 20 были перерезаны. И таких случаев было не мало.

Если в России деревня узнала, что такое советская власть, если значительная часть деревни идет за советской властью, если партия наша ступила крепко ногой в деревне, то это только потому, что десятки тысяч лучших рабочих Москвы и Питера шли, как пропагандисты, как агитаторы, как люди, которые умели претерпеть враждебное отношение крестьян. Иногда их поколачивали, выгоняли, но они достучались до крепкого черепа крестьян и сумели об'яснить им, что такое советская власть, из-за чего идет борьба и т. д.

У нас на Украине до сих пор этой работы не делалось, или почти не делалось. Надеялись на авось, полагались на те партии, которые говорят от имени крестьян—борьбисты, укаписты, незалежники. Это был вздор, это был обман, за этими партиями никаких крестьян не было, за ними была только кучка националистического кулачества, петлюровцы. Надо вспахать глубоко, надо поднять эту землю, надо привлечь крестьян на нашу сторону. *Это можно сделать в том случае, если каждый завод, каждая мастерская, каждый профессиональный союз, каждый районный совет, каждый районный комитет выделит определенное количество лучших наших работников и работниц, и по определенному плану, под контролем партии будет систематически направлять в деревню*, одному давая должность при продовольственном отряде, другого посылая просто с литературой, женщин посылая, как книгонош, иным давая продовольственную работу, чтобы они не с пустыми руками шли.

Если это мы сумеем организовать по всей Украине, тогда мы результаты получим через несколько месяцев. Но надо сорганизовать прежде всего Харьков. Харьков должен играть ту роль на Украине, какую

играют Москва и Питер в центральной России. И харьковский рабочий должен играть ту роль, какую играет московский и питерский рабочий. Иначе быть не может. Харьков и во вторую очередь—Донецкий бассейн, где есть не одна сотня тысяч настоящих пролетариев, которые под Луганском дрались, как львы. (В Донецком бассейне одних инвалидов около 50 тысяч человек. Значительная часть инвалидов времен гражданской войны. Это показывает, какую остроту приняла борьба).

Донецкий бассейн и Харьков должны взять инициативу на себя, толкнуть партийный центр на этот путь и должны положить начало организации. Не надо смущаться, что вначале эта работа будет итти слабо, в небольших размерах. Начнем с посылки одного десятка рабочих для начала. Это будет шаг вперед. Об этом будет узнавать один завод, от него—другой завод, от одной мастерской узнает другая мастерская, от одного города—другой. Никакого другого пути нет. *Для того, чтобы поставить продовольственное положение на должную высоту и отбить поляков, мы должны прибегнуть к массовой посылке лучших рабочих-коммунистов и беспартийных в деревню*—тех беспартийных, которые хотят защищать советскую власть, которые не хотят польских панов, которые хотят получать хлеб для голодающих заводов, чтобы заводы эти работали и могли бы давать в деревню плуги, гвозди, подковы. Этих беспартийных надо привлекать, и мы их привлекаем с успехом. Это была лучшая школа для них, когда они шли в деревню, видели, как трудно добывать хлеб, с каким трудом рабочие-коммунисты ведут свою работу, и они понимали, что, конечно, критиковать легко, а привезти хлеб, распределить его, наладить—это дело будет потруднее.

Надо, говорю я, посылать и коммунистов, и сочувствующих, и беспартийных с тем, чтобы они об'ясняли крестьянам положение, чтобы не было того, что было при первом наступлении немцев, когда несознательность доходила до того, что даже в центральной России некоторые солдаты разбегались и говорили: „немец меня не достанет, я тульский,—разве до Тулы он доберется?“ А курские крестьяне думали, что они как у бога за пазухой,—разве немец найдет на карте город Курск и Курскую губернию? Печальные дни были, когда из казарм разбегались солдаты, куда глаза глядят, когда они подхватывали свой сундучок и думали, что можно спрятаться от немца, от белогвардейца, от помещика и т. д. Теперь, товарищи, белые нам эту глупость основательно вышибли из головы. Теперь всякий знает, что белогвардеец доберется до Курска, до Тулы, ограбит до ниточки, разденет до-гола. Крестьянин теперь гораздо более сознателен, надо только об'яснить ему, какой враг на нас идет, надо разжечь его справедливую ненависть против польского пана, надо научить его работать, надо дать план, схему организации.

Надо об'яснить крестьянам, что нечего вам накапливать груды керенок. Сейчас развелись подгородные крестьяне у вас и под Питером, и Москвой, крестьяне-кулаки, которые спят на тюфяках из керенок. У нас это факт, на некоторых свадьбах, когда хочет покуражиться отец молодой, он дугу оклеивает сорокарублевыми керенками,—так много их у него. Пора понять, что, проснувшись в один прекрасный день узнаешь, что керенкам грош цена. Надо научить понимать, что лучший вклад, какой крестьянин может сделать, это дать хлеб в ссуду фабрикам и заводам для того, чтобы фабрики дали крестьянину, что нужно.

Раньше, когда крестьянин нес свои деньги в сберегательную кассу, в банк, это считалось для него самое святое. Если в „банку“ снесешь, там не пропадет. Каждый теперь видит, что „банка“ не такая уж страшная штука, рабочие отлично забрали эти банки. Надо сказать крестьянам, что теперь настоящий несгораемый шкаф, надежный банк,—это, ежели ты дашь хлеб советской власти, рабочим, чтобы заводы и шахты стали работать. Когда заводы и шахты будут работать, то плуги, гвозди, подковы, керосин, ситец, все, что рабочие будут выделывать, они не будут класть в карман, они не будут проедать. Рабочий, если он будет сыт, будет производить все это, затем соберет, и через определенный орган Совета Народного Хозяйства все это будет возвращаться в деревню. Только так можно наладить свою жизнь. В этом направлении надо пустить агитацию в деревне. И не может быть, чтобы крестьянин этого не понял. Сначала будет трудно достучаться до его мозгов, иногда ворота тут у него довольно крепкие.

Но передовик-рабочий, который сумел сделать революцию, харьковский коммунист, сочувствующий, беспартийный честный, если двинется планомерно, вооруженный инструкциями, литературой, пропагандой и т. д.,—он сумеет достучаться, и тогда мы сделаем первый серьезный шаг для того, чтобы Социалистическая Революция на Украине получила настоящую прочную опору.

Пока мы имеем тонкую пленку рабочих, а в деревне смутное сочувствие в лучшем случае, до тех пор советская власть на Украине висит в воздухе. Когда десятки тысяч рабочих подымут десятки миллионов крестьян, тогда наша задача будет исполнена.

И в первую очередь каждый передовой рабочий должен поднять, обучить, вышколить, основное об'яснить, по крайней мере, сотне крестьян или полусотне. И это вполне возможно. Нынче время такое, когда каждый вынужден шевелить мозгами, доискиваться, почему вчера был Скоропадский, затем Петлюра, почему один берет хлеб и другой берет хлеб, почему приходили французы, немцы, греки, румыны и т. д. Каждый крестьянин должен шевелить мозгами. Теперь наступило благодатное время, когда каждое ваше зерно даст хорошие всходы. И мне сдается, хотя у нас далеко не все налажено, тем не менее, нам надо сказать: *для того, чтобы упрочить дело на Украине серьезно, наша партия должна сейчас организовать массовый уход лучших рабочих, коммунистов, сочувствующих и беспартийных в деревню* для того, чтобы об'яснить крестьянам, что происходит, какая война происходит, почему они должны дать нам хлеба, каким образом они могут получать мануфактуру на деле, а не на словах, и где тот несгораемый шкаф, куда действительно стоит положить теперешние свои сбережения. Это первая задача, которая стоит перед нами. И если мы ее не решим,—ничего не решим, все время будем плясать, как на вулкане, все время будет положение такое, что любой Махно, Петлюра, соединится с поляками, с румынами (а этот номер, наверное будет, когда мы побьем поляков, найдется новая собака, вроде румынских бояр, вроде венгерской шайки, которая опять стоит у власти) и опять все будет по старому.

Поэтому я советую на каждом районном собрании, в каждом районном комитете поставить вопрос о том, что сделал харьковский рабочий, что сделала партийная организация для массовой пропаганды и агитации в деревне.

Если вы спросите, что сделано до сих пор, придется ответить: почти ничего не сделано. За эту работу надо взяться сейчас. Не надо ждать пока партийное начальство сделает. Надо, чтобы рядовые члены партии подтянулись. Я думаю, инстинкт жизни, чувство действительности развито у вас больше, чем у иных из нас. Каждый из вас превосходно должен понимать, что, когда красноармеец проходит через деревню, и ему стреляют в тыл темные крестьяне и кулаки, когда продовольственник натыкается в деревне на громадные трудности, или когда рабочие у вас на заводе говорят—„я и рад бы работать, да нет хлеба,—дай хлеба,“—каждый из вас на практике должен притти к той мысли, что центр тяжести в деревне. И партия должна выделить определенный кадр для того, чтобы двинуть туда. Такова та первая задача, которую мы выдвигаем на Украине.

Я уже сказал, что далеко не все благополучно обстоит в тылу и в городе. Если посмотреть главным образом на наши украинские города,—иногда спрашиваешь себя: полно, произошла ли октябрьская революция, серьезно ли существует советская власть, или нам только принадлежат автомобили, хорошие здания, а все остальное принадлежит буржуазии. Очень похоже, что именно так. Если бы здесь оказалось 300—400 московских и питерских рабочих-коммунистов, они сделали бы быстро новую революцию. Они подумали бы: где мы находимся, в буржуазной Франции, в благодатном уголке Ниццы, где французская буржуазия купается в роскоши, или в столице Рабоче-Крестьянской Украины, как мы называем Харьков. У нас в Харькове более десятка тысяч раненых, может быть, два десятка тысяч. И по сведениям, которые нам передавали, для раненых почти ничего не сделано. Они находятся в

трудной обстановке. Партия стоит в стороне, как будто бы это ее не касаемо. Самое большее, что сделали, это написали плакаты: „просим жертвовать красноармейцам“. И ждут—не пожертвует ли буржуазия два порошка хинина. Что же, разве мы не можем раненых обеспечить всем необходимым, отобрать у буржуазии все до последней нитки и отдать раненым?! (Аплодисменты).

Мы не прижали спекулянтов в Харькове. Первое время советской власти было не до того, а теперь необходимо это сделать. Нельзя победить польских панов, если мы терпим сотню тысяч панов здесь у себя,—ведь это те же паны, все равно, на каком бы языке они ни говорили. С каким настроением харьковские эшелоны уходят из Харькова! Когда у нас стоял противник под Питером в 15 верстах, в Питере все рабочие и работницы рыли окопы, натягивали проволоку, дети рабочего класса носили камни и кирпичи, производились массовые обыски. Выходило по 20.000 рабочих за ночь для того, чтобы раздобыть оружие. А у харьковской буржуазии разве мало оружия, медикаментов, лопат и т. д.? И наши эшелоны, которые уходили из Питера, они видели, что рабочее население готовится к бою, что оно будет бороться до последней капли крови. Буржуазия была загнана, как крот, у нее все взяли для того, чтобы отдать армии. И каждый красноармеец уходя, понимал, что он идет защищать такой город, где рабочее население, если понадобится, пойдет защищать вместе с ним. А здесь, в Харькове, если поймают настоящего спекулянта, то пошлют в Донецкий бассейн рыть уголь. Много угля мы получим от работы этих работничков! *И первая задача партийной организации—произвести октябрьскую революцию в столице*

Рабоче-Крестьянской Украины не на словах, а на деле. (Апплодисменты).

Я беру другой вопрос—вопрос о домах. В Харькове много прекрасных домов, в них живет буржуазия, а в рабочих кварталах уплотняют некоторые рабочие дома. Некоторые товарищи говорят, что это по вине рабочих,—они не хотят переселяться. Я знаю по нашему опыту, что тут доля правды есть; действительно, у нас в Великороссии тоже, когда мы два года тому назад сказали: „рабочие, в буржуазные дома!“, то они сначала не шли, особенно женщины рабочего класса сильно колебались. Соображение было такое, что, „может быть, белые придут —и мне достанется“. А во-вторых, бывали и такие, которые говорили: „может быть, и светло, и хорошо, и лучше, но мне не привычно, мне в моем курятнике, в подвале лучше, тут мне все привычно“. И нам приходилось устраивать десятки собраний, чтобы об‘яснить довольно простую вещь: раз рабочий взял власть в свои руки, надо, чтобы рабочий переселился в дома, а буржуазия, если не хватит места, в подвалы. (Апплодисменты).

Местами, даже среди самых передовых рабочих сначала были возражения против этого. Это была боязнь, рабское чувство, которое есть у каждого из нас. Это маленький Петлюра живет в сердце каждого отсталого и даже не совсем отсталого рабочего и работницы. Это рабство, покорность, которую наши матери всосали с молоком своих матерей, когда они были крепостными.— „Как это я пойду в чужой, непринадлежащий мне дом, в трехэтажный светлый дом с телефоном, как это я туда войду,—это, ведь, мне непривычно!“ С этим приходилось бороться. Особенно приходилось бороться с матерями рабочих семейств, которые говорили: „ты не ходи туда, как пойдешь—худо будет. Лучше сиди в

своем подвале, где тебя может затопить наводнение, как это бывает в Питере, где сыпной тиф,—но не ходи, пожалуйста, в какой-нибудь богатый дом".

Ну, товарищи, всем ясно, если бы рабочие питерские и московские все время сидели и оглядывались по пятам, не идут ли белые, то белые давно пришли бы,—они близко. Выйди на улицу и везде встретишь белых. Если будешь колебаться, если не будешь как следует организован, то белые придут сами. Нам приходилось поощрять переселение, и мы поощряли, дожили до того, что в прошлом году, и теперь особенно, рабочие стали приходить и брать нас за горло: дали, мол, на Васильевском острове только 120 барских домов, а для Балтийского и Трубочного заводов нам нужно 180. И мы тогда говорим: молодцы, пожалуйста, берите за глотку, что мы мало даем, я готов в ответ на это пожать вам руку и вас обнять. Вы поняли, что вы хозяева и должны требовать, сколько вам нужно.

Сейчас похоже, что харьковские рабочие и работницы переживают то время, которое было и у нас, когда была такая примета, что надо сидеть в подвале, в вони и грязи, где вшей побольше. Это надо изжить. И это не изживешь только тем, что вы похлопаете мне. Это надо изжить тем, чтобы настоящие рабочие вожаки сумели открыть глаза женщинам рабочего класса, подняли бы в каждой семье этот вопрос и сказали бы ясно и определенно: хотя вы живете в подвале, в курятнике, на чердаке, но если белые придут, они не спросят, где вы жили, а лишь посмотрев на ваши руки, увидят, что это мозолистая рабочая рука, узнают, что вы были в Советах, участвовали в демонстрациях, и они спустят с вас шкуру. Они в минуту откровенности говорили: мы должны перерезать не только взрослое население,

но и подростков рабочего класса. И они только спорили, начиная с какого возраста—с 15 или с 13 лет. И они правы по своему: на детей рабочего класса они должны смотреть, как на змеенышей. Нынешние дети видели все эти демонстрации, красные знамена, с'езды, они поют „Интернационал" в пять лет. Поэтому, белогвардейцы так и думали: если мы победим, то мало скосить только взрослое население, а придется подростков также перерезать.

И отсталым работницам, матерям семей надо об'яснить: все-равно, тут никто не поможет. Раз ты родилась работницей, раз ты живешь в то время, когда сталкиваются грудью два класса, то выбора никакого нет. И если ты будешь стоять в стороне, ты этим усилишь белогвардейцев. И если придет белогвардеец он не будет разбирать правых и виноватых.

И вот, для того, чтобы разрешить жилищный вопрос в Харькове, надо прежде всего этого маленького Петлюру в сердцах каждого отсталого рабочего и работницы растоптать. Надо, чтобы рабочий захотел этого, как следует. У нас в Питере в лучших домах города живут дети рабочих. Мы сумели сделать так, что Аптекарский остров и другие лучшие острова города, где были лучшие буржуазные дачи Столыпина и других министров, мы превратили в дома отдыха на 5000 человек рабочих, где в течение лета будет 5—6 смен в Питере. В Питере тесноты больше, чем во многих украинских городах. К этому надо здесь приступить, надо поставить на очередь эти вопросы. *Надо выселить из богатых домов буржуазию и поселить рабочих.* Начните в маленьком размере, и это пойдет дальше, Но нестерпимая картина, когда едешь и видишь прекрасные дома, великолепные балконы—это знакомая кар-

тина, бывшая 5—10 лет тому назад, и сидят группы буржуазных женщин и спекулянтов, приятно разговаривают, как в доброе старое время, со всеми удобствами, а рабочие при советской власти вынуждены начать уплотняться. Этому безобразию надо положить конец!

Часто слышатся жалобы, почему Москва посылает мало мануфактуры. Но всякий из вас, кто побывал в Москве, может сравнить,—разве там одеты так, как в Харькове? Там и не снилось одеваться, как одеваются здесь. Посмотрите на женщин буржуазного класса в Харькове. Они не в Харькове, а в Париже! Они могут показаться там, чтобы конкурировать с любой из банкирских наложниц. Нельзя говорить, что-де комитет этого вопроса не ставил, партия не решила. А вы почему эти вопросы не ставили, почему не требовали разрешения их самым решительным образом, не организуете в своем районе, когда вы здесь хозяева? И этому надо положить конец.

Нельзя вести гражданскую войну за социализм, оставляя на каждом шагу куски буржуазного строя. Нельзя победить польских панов, нельзя внушить рядовому красноармейцу ненависти к польскому пану, если он в тылу видит тех-же самых панов. Поэтому, когда мы говорим об организации войны, мы говорим, что сюда входит и организация тыла, и организация пропаганды в деревне, обеспечение раненых, сюда же входит и решение жилищного вопроса.

Мы с ранеными в Питере поступали так. Мы назначали специальную неделю раненых, это значило, что районный комитет и Совет в течение недели все, что можно было собрать от буржуазии, собирал для раненых под контролем лучших рабочих района. Мобилизовались лучшие работницы, которые распределялись

по лазаретам, и несли туда газеты, лекарства, подарки, зашивали раненому рубашку, смотрели какой порядок в лазарете. И если там был доктор саботажник или сестра и фельдшерица, которые издевались над товарищами, работница сообщала, и мы их смещали. И красноармейцы не чувствовали себя заброшенными, а чувствовали, что о них заботятся работницы. Красноармеец об этом писал письмо в деревню, которое действовало лучше, чем наша газета, потому что, когда получается письмо, правдивое, живое, от родного сына, односельчанина, которого все знают, и который рассказывает, как рабочие и работницы о нем заботятся, то это производит громадное впечатление. И масса случаев было, когда тут же раненые просились записаться в партию, т. к. понимали, что партия существует не только для пропаганды и агитации, а партия организует все.

Это, повидимому, также недостаточно поняли на Украине. Было время, когда вся работа партии сводилась к пропаганде и агитации, когда наше дело было созвать кружок, митинг, издать листовку, собрать членские взносы, издать газету, если это возможно. Вот к чему раньше сводились задачи партии. Теперь совсем не то. Пропаганда и агитация и теперь играют громадную роль в нашей работе, но пропаганда и агитация не исчерпывают и на половину той работы, которая стоит перед нашей партией.

Теперь наша партия исполняет свой долг, если она заботится о всех сторонах жизни. Она отвечает за все. Если нет хлеба, винят коммунистов. Если нет лекарств, обвиняют коммунистов. Если протекает крыша, обвиняют партию. Если на фронте непорядки, обвиняют партию. И многие неграмотные рабочие и работницы,

которые не читали нашей программы и никогда не прочтут, они, однако, знают, что насчет домов плохо, несправедливо.

В Питере с банями было плохо. Настолько все разорили, что на весь город осталось около десяти бань,—негде было помыться. И старуха, которая никогда никакой программы коммунистической не читала, она знает, что в баню некуда сходить, и стоит и ругается: „вот так коммуния, проклятые коммунисты, негде помыть свое грешное тело". И мы говорили коммунистам: организуйте бани. Сначала казалось непривлекательным. Коммунист—и вдруг банщик. А мы развили должную агитацию, мы говорили: не тот район мы считаем серьезным, который сделал 100 митингов, не одними митингами жив человек, а тот, который три бани отремонтировал, дал возможность рабочим помыться, который поставил три общественных столовых,—вот это была серьезная работа.

В голодном Питере вот уже больше года каждый день выдаются 900.000 слишком общественных обедов, обедов очень плохих, нечего греха таить, иной раз там мясом и не пахнет—сейчас стало только немного лучше,—но обедов, состоящих из двух блюд, всегда каша, а иногда перепадало и еще что-нибудь. Наш товарищ, рабочий, комиссар по продовольствию Бадаев, доставал в одном месте вагон капусты, в другом—полвагона крупы и из всего этого составлялись общественные обеды на миллион человек. Раньше рабочие и работницы были против этого. Работницы говорили: „что же я пойду в столовую, я привыкла, чтобы и муж, и дети были тут, дайте ту частичку, которая мне полагается, домой". Но если раздать на дом, то получится по одной крупинке на рабочего, а в одном

котле кое-что выходит. Но за год втянулись, и все стали понимать великое значение общественного питания. С каждым месяцем обед становится лучше, потому что, во-первых, воровать стали меньше. (У нас воровали, как и у вас воруют). Во-вторых, обеды стали лучше, потому что продовольствия стало приходить больше, мы освободили Сибирь, мы получаем хлеб с Урала. Вот работа для нашей партии.

Пусть те, которые не идут в деревню и не будут заботиться о раненых, возьмутся за общественные столовые. Я спрашивал здесь комиссара по продовольствию, он говорил, что в Харькове несколько десятков тысяч общественных обедов выдается рабочим. Но он не мог мне сказать точной цифры. Это что-то не подтверждается, никто этих столовых указать не может. Во всяком случае, если есть столовые на 10.000 человек, это капля в море.

В Харькове есть все условия для того, чтобы поставить здесь общественное питание в несколько месяцев блестяще, поставить на социалистических началах. Конечно, также будут ворчать матери семейств:—„зачем я пойду в столовую; дай мне домой“,—но они поймут со временем. Столовые не надо делать в центре города, вы можете делать их в расположении заводов. Помещения вы найдете, если не будете смотреть в зубы буржуазии. Конечно, трудностей будет много, но в несколько месяцев вы можете наладить общественное питание. И настроение среди рабочих и работниц сильно изменится, если вы это сделаете хорошо.

Сначала не будет котлов, посуды, топлива. Мы на эти трудности наталкивались. Бывало так, что нет котлов, все совнархозы говорят, что котлов нет, а когда рабочие захотят, котлы находились. Рабочие починяли,

или заново делали и, в конце концов, оборудовались столовые. В Петрограде есть 200 больших столовых, в которых кормится 900 тыс. народа. Эти столовые нас спасали от голодной смерти. Мы туда отдали лучших работников. Пусть каждый район поставит хотя бы одну образцовую столовую. Мы под образцовой понимаем, чтобы в столовой было чисто, не как в конюшне, и чтобы не воровали до бесчувствия, чтобы в котел попадало хоть $^{3}/_{4}$ того, что мы туда даем. Это трудно. Мы должны были наладить массовый контроль. Каждый завод посылал контроль. Но так было голодно, что сам контролер приходит и первым долгом с'ест два обеда незаконно. Это понятно, когда человек голоден, то за каждым куском гоняется. Но массовый контроль профессиональных союзов, рабочих организаций—он свою службу сослужил. Воровство уменьшается. Под образцовой столовой мы понимаем, чтобы была чистая скатерть, посуда, порядок и спокойствие.

В Америке буржуазия сумела построить грандиозные столовые, где обедает в день по 200.000 человек, и без прислуги. Там стоит автомат. Рабочий подходит и бросает определенный жетон или определенную монету, и автомат отливает сколько вам полагается механически. Почему мы не можем сделать этого? Конечно, мы не сделаем этого в 1—2 года после той разрухи, которую мы переживаем. Но почему же в Харькове мы не можем иметь сначала 5 столовых, потом 10, 20, во главе которых будут стоять лучшие работники-коммунисты?

Раньше тот, кто служил в чайной или в бане, он ходил туда для того, чтобы заработать, там не делали партийной работы. Теперь, если в бане служит один банщик-коммунист, истопник-коммунист, конторщик-

коммунист, они должны сорганизовать ячейку. Тоже самое и в столовой: если там повар—коммунист, управляющий—коммунист, и судомойка - коммунистка, они должны организовать ячейку. В крупные столовые нужно поставить лучших работников. *Организовать крупную общественную столовую для рабочих, это дело не менее важное, чем хорошо организовать завод, или поставить хорошо железную дорогу.* Вот задача нашей партии для Украины. Тогда у нас организация не будет хиреть, не будет собираться только по большим праздникам, тогда у вас на любом собрании будет живое настроение.

Попробуйте в вашем районе устроить три таких столовых и попробуйте назначить партийное собрание с допущением на собрание беспартийных и вы посмотрите, сколько придет и как горячо будут участвовать в прениях, и сколько из беспартийных будет выделяться честных, толковых людей, которые через месяц пойдут в наши ряды. На этой почве вы сорганизуете людей больше, чем где-бы то ни было. Теперь в этом гвоздь.

Попробуйте в своем районе хорошо поставить дело в детских колониях, возьмите лучшие дома для детей, кормите лучше детей, одевайте, обувайте и попробуйте поставить все эти вопросы в повестке районного собрания, вы увидите, сколько матерей рабочих придет, как они заинтересуются, начнут понимать и чувствовать, что советская власть не только говорит, а коечто и делает.

Я знаю, как мучительно трудно что-либо сделать при нынешних условиях, но у вас это легче, чем в других местах. Тут приходится сказать: „не говори не могу, а скажи не хочу, или скажи, что не пробовал, не ученый, что тебе в голову не приходило и т. д.“.

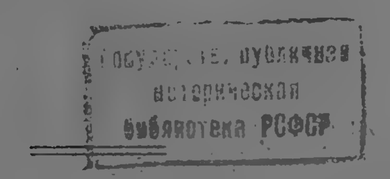
Здесь вы не можете сказать „не могу,“ у вас все необходимое для этого есть, чтобы общественное питание вы могли бы поставить, чтобы детей могли бы обеспечить, жилищный вопрос могли бы начать разрешать. Вот эти вопросы надо поставить, только тогда начнется приток свежей крови. Тогда не будет того, что целые районы занимаются местами никчемными вопросами,— почему Центральный Комитет назначил Петра и отозвал Ивана,—тогда не будет мелких разногласий, тогда не будет таких конференций, на которых две половины спорят об интересных материях и ни один рабочий их не понимает.

Мы, грешные люди, не поняли из-за чего раскалывались на левых, правых и центр, а в это время просвистали Украину. Партия была неорганизована, занималась не тем, чем нужно было заниматься, не было в ней настоящей, железной рабочей дисциплины. Партия не может существовать иначе, как при военной рабочей внутренней дисциплине. Нам нужна партия, вылитая из одного куска. Когда нас теребят на части, когда мы окружены врагами со всех сторон, нам нужна строжайшая военная внутренняя дисциплина. Пусть организация сделает 10 ошибок на 100 случаев, чем если будет положение такое, когда партия постановляет и все остается на бумаге, и никто не выполняет.

А нужно, чтобы решения партии проводились строжайшим образом. Если мы решили организовать деревню, надо чтобы это не повисло в воздухе. Надо привлечь десятки тысяч рабочих и работниц и красноармейцев, чтобы организовать обыски. У нас участвовал в обысках весь Совет, тысячи курсантов и рабочих. Мы собрали целый арсенал оружия в одну ночь. Они умеют прятать, они не сидят без оружия, не беспокойтесь.

Вот те предложения, которые я имел сделать. Я думаю, что двинуть эти вопросы нельзя только сверху. Разумеется, наши местные комитеты и Ц. К. Коммунистической Партии Украины эти предложения будут обсуждать и с своей стороны целиком пойдут нам в этом навстречу. Но они не смогут сделать ничего, если не будет поддержки рядовых членов партии.

Нужно заниматься не мелкой склокой, не только пропагандой и агитацией, но помнить, что партия отвечает за все вопросы—об общественных столовых, об уходе в деревню, о том, чтобы буржуазию экспроприировать, отнять у нее награбленное, чтобы организовать неделю помощи раненым красноармейцам, поддержать фронт так, чтобы это сразу явственно почувствовали, поставить жилищный вопрос, начать организовывать общественные столовые. Вот те громадные задачи, которые стоят перед нашей партией на Украине! (Апплодисменты).

ИЗДАНИЯ ВСЕУКРАИНСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

1. **Г. Зиновьев.** Беспартийный или коммунист.
2. **С. Н. Минин.** Кто такие коммунисты?
3. **В. И. Ленин.** Ответ буржуям на пять вопросов.(рус. и нем. яз).
4. **Н. И. Бухарин.** Работница, к тебе наше слово!
   Н. І. Бухарін. Робітнице, до тебе наше слово!
5. **Александр Бович. (Генкин).** Кровавый опыт.
6. **А. Берюшина.** Почему я стала коммунисткой.
7. **В. И. Ленин.** Речь на с'езде работниц.
   В. І. Ленін. Промова на з'їзді робітниць.
8. **Е. Блонина.** Почему я стала защитницей Сов. Власти?
   О. Блоніна. Чому я зробилась прихильницею Рад. Влади?
9. Красная Звезда.
10. **В. И. Ленин.** Как коммунисты (большевики) относятся к среднему крестьянству?
    В. І. Ленін. Як комунисти-більшовіки ставляться до середнього селянства?
11. Резолюция Перв. Всер. Совещ. по работе в деревне.
    Резолюції Першої Всер. Наради що до праці на селі.
12. **А. Дівільківський.** Гнітити жидів—гнітити самих себе.
13. Резолюция Первого Всероссийского С'езда работниц.
14. **В. Карпінський.** Як тульский селянин уму-розуму навчився.
15. **С. Мінін.** Релігія і коммунизм.
16. **К. Мещеряков.** Поповские проделки.
    К. Мещеряків. Попівське шахрайство.
17. **Н. И. Бухарин.** Всеобщая дележка или коммунистическое производство.
18. **В. М. Фриче.** Мировой красный праздник.
19. **Н. И. Бухарин.** Где настоящая свобода? (на рус и нем. яз).
20. **Артур Арну.** Мертвецы коммуны (на рус. и польск. яз.)—
    Артур Арну. Мерці коммуни.
21. **Т. Гневич.** С чем вернемся (на польск. яз.)
22. Конституция Р. С. Ф. С. Р. (на польск. и нем. яз.).
23. Песни победы (на польск. яз.)
24. **А. Коллонтай.** Семья и коммунистическое государство.
    А. Коллонтай. Сім'я і комуністична держава.
25. **К. Самойлова.** В об'единении—залог победы.
26. **А. Коллонтай.** К истории движения работниц в России.
    Е. Блонина. Борьба работниц за последние годы.
27. **К. Самойлова.** Первый с'езд и организация работниц.
28. **Е. Вандервельде.** Парижская коммуна.
    Е. Вандервельде. Парижська комуна.
29. **Г. Зиновьев.** Из истории нашей партии.
    Г. Зінов'ев. З історії нашої партії.
30. **Н. И. Фалеев.** Крестьянский закон.
    Н. І. Фалеев Селянський закон.

ИЗДАНИЯ ВСЕУКРАИНСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

31. **Н. Фалеев**. За что проливала кровь Украина?
32. **К. Самойлова**. Что дала работницам Советская Власть?
33. **М. Владимиров**. Украинские крестьяне и продовольственный вопрос.
34. **А. Шлихтер**. Город и село в продовольственном вопросе.
    О. Шліхтер. Місто й село в продовольч питанню.
35. Хлебная монополия.
    Хлібна монополія.
36. **Д. Мануільский**. Що дає новый земельный закон селянству?
37. **Я. Тун**. Закон о земле.
38. **Г. Эрде**. Советский закон о земле.
39. **Г. Зиновьев** Партия и профсоюзы.
    Г. Зинов'ев. Партія та проф. спілки.
40. **А. Паннекук**. Раздел добычи.
41. **И. Бардин** (**Мгеладзе**). Майский праздник коммунизма.
42. **Л. Каменев**. История парт. коммунистов в России и В. И. Ленин.
43. **Я. Тун**. Все для транспорта,—все через транспорт.
44. **М. Ярославский**. Карл Маркс и Фр. Энгельс.
    М. Ярославський. Карло Маркс і Фр. Енгельс.
45. **М. Конколь**. Коммуна 71 года.
46. **Мархлевский**. Что такое политическая экономия и чему она учит?
47. **В. И. Ленин**. Великій почин.
    В. І. Ленин. Величний почін.
48. **Е. Преображенский**. Анархизм и коммунизм.
    Е. Преображенський. Анархізм і комунізм.
49. **Н. И. Бухарин**. Церковь и школа в Сов. Республике.
    Н. І. Бухарін. Церковь і школа в Рад. Республиці.
50. **Н. Меньшой** Американские цари.
51. **Зиновьев**. В. И. Ленин.
52. **Марьянов и К. Волков**. Причины хозяйственной разрухи.
53. Конституция У. С. С. Р.
    Констітуція У. С. Р. Р.
54. **А. Прилуцький**. Кого в ради вибірати, кого в шию треба гнати.
55. Резолюция и постановления IX с'езда Р. К. П. (рус., польс., укр., евр. и нем. яз.).
56. **Н. Бухарин и Е. Преображенский**. Азбука коммунизма, ч. I.
    Н. Бухарин та Е. Преображенський. Абетка комунізму, ч I.
57. **Н. Бухарин и Е. Преображенский**. Азбука коммунизма, ч. II.
    Н. Бухарин та Е. Преображенський. Абетка комунізму, ч. II.
58. Геть партізанщину. Статті Раковського, Самсонова, Горлова, Кумача.
59. **Н. Бухарін**. Програма комуністів-більшовиків.
60. **В І. Ленин**. Лист до робітників та селян Украіни.
61. **Я. Яковлев**. Против польских панов и польских наймитов

ИЗДАНИЯ ВСЕУКРАИНСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА.

62 **В. И. Ленин.** Выборы в Учредительное Собрание и Диктатура Пролетариата.
63. **М. Красний.** Правда про петлюрівські брехні
64. **М. Стерня.** Про Петлюру—панську шкуру.
65. Партийная работа в деревне.
Партійна праця на селі.
66. **Ливень.** Комуністичне будівництво. Збірник статтів до IV Всеукр. З'їзду Рад.
67. **В. Чубарь.** Трудовий під'йом.
68. **М. Владіміров.** Продовольча політика Радянської влади на Вкраїні.
69. **Блакитний.** Діктатура пролетаріяту чи всенародня влада.
70. **Л. Троцкий.** Парижская Коммуна и Советская Россия.
71. **Х. Раковський.** Робітники та селяне, об'єднуйтесь на борьбу з шляхтою.
72. **Володимирський.** Организація Рад. влади на місцях.
73. **Х. Раковський.** Проти польских панів—все для перемоги.
74. **Г. Зиновьев.** Польское наступление.
75. Манифест III Интернационола (на рус. и пол. яз.) Маніфест III Інтернационалу.
76. **М. Красний.** Народня війна.
77. Продовольча справа та селяньска біднота.
78. **Шрейдт.** Червоне право та народній суд.
79. **Н. Калюжний.** Тяжка хвороба.
80. **Винниченко.** Проти Петлюри (збирнік статтів.)
81. **М. Красний.** Треба розжувати (казка для дорослих.).
82. Продовольча справа та всесвітня боротьба. Збірник статтів.
83. Народня війна. Збірник статтів.
84. **Н. Голий.** Червона Армія.

